

УДК 930.1

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.26.93.027

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

**О ВЫДВИЖЕНИИ Ф.И. ШМИТА
В ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР***

Федор Иванович Шмит — крупный отечественный византист, историк и теоретик искусства, музеевед. Данная статья посвящена одному из эпизодов его научной деятельности в середине — второй половине 1920-х гг.: взаимоотношениям с Академией наук СССР и попытке выдвижения его кандидатуры в действительные члены АН СССР в 1928—1929 гг. Теоретические построения Шмита не находили понимания у представителей академической корпорации, однако с энтузиазмом принимались учеными более молодого поколения. В частности, представители музейного мира активно поддержали выдвижение Шмита в академики.

Ключевые слова: византиноведение, история науки, архивы, Российская академия наук, С.А. Жебелёв, Ф.И. Шмит.

Сведения об авторах: Ананьев Виталий Геннадьевич¹, доктор культурологии, доцент, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; Бухарин Михаил Дмитриевич², доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Контактная информация: ¹199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: v.ananев@spbu.ru; ²119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, Институт всеобщей истории РАН; e-mail: michabucha@gmail.com.

V.G. Ananiev, M.D. Bukharin

**ON THE PROPOSAL OF THE CANDIDATURE OF F.I. SCHMIT
TO THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR**

Fyodor Ivanovich Schmit was a prominent Russian Byzantinist, art historian and museologist. This article is devoted to one of the episodes of his academic biography in the mid — second half of the 1920th: his relations with the Academy of Sciences of the USSR and an attempt to propose him as a full member of the Academy of Sciences of the USSR in 1928—1929. Schmit's theoretical conceptualizations did not find understanding among members of the academic corporation, but they were enthusiastically accepted by scholars of the younger generation. In particular, representatives of the museum world actively supported Schmit's election to the Academy.

Key words: Byzantine studies, history of science, archives, Russian Academy of Sciences, S.A. Zhebelyev, F.I. Schmit.

About the authors: Ananiev Vitaliy Gennadievich¹, Dr. habil. (Cultural Studies), Associate Professor, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University; Bukharin Michael Dmitrievich², Dr. habil. (History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: ¹199034, Russian Federation, Saint Petersburg, 7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg State University; e-mail: v.ananев@spbu.ru; ²119334, Russian Federation, Moscow, 32a Lenin Av., Institute of World History, Russian Academy of Sciences; e-mail: michabucha@gmail.com.

* Статья поступила в номер 02 июня 2021 г.
Принята к печати 25 июня 2021 г.

Личность и научное наследие Федора Ивановича Шмита — крупного российского историка и теоретика искусства, музееведа — неизменно привлекают внимание ученых с рубежа 1980—1990-х гг. Можно говорить об «историографическом образе» Шмита, сложившемся в отечественной научной литературе (Сыченкова 2012). Однако по-прежнему актуальными остаются задачи введения в научный обиход новых архивных материалов и реконструкции тех аспектов и направлений его деятельности, которые пока еще остаются недостаточно исследованными или попросту неизвестными. К числу таковых можно отнести вопрос о связи Шмита с кругами академической науки Ленинграда во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., т.е. в тот период, когда он, уже будучи сложившимся ученым и академиком Всеукраинской академии наук, вернулся в 1924 г. из Украины в родной город и пытался найти собственное место в сложившихся здесь сетях отношений.

По возвращении в Ленинград Шмит приступил к преподаванию в родном университете и возглавил в качестве директора Институт истории искусств. Это были важнейшие центры интеллектуальной жизни города в первое послереволюционное десятилетие. По сравнению с дореволюционным состоянием они пережили весьма существенные трансформации и, хотя и по-разному, адаптировались к новой обстановке. Третий важнейший центр — Академия наук — к середине 1920-х гг. оставался гораздо более консервативным. Отношения Шмита с ним в этот период кажутся весьма осторожными.

Безусловно, прибытие в город крупного ученого, выпускника Санкт-Петербургского университета и бывшего ученого секретаря Российского археологического института в Константинополе не прошло незамеченным. 10 февраля 1925 г. член-корреспондент Академии наук СССР видный антиковед С.А. Жебелёв писал находившемуся в эмиграции в Чехословакии академику Н.П. Кондакову: «У нас появилось новое светило — Ф.И. Шмит, тот, кто писал о Кахриэ-Джами. Быстрок невероятный и, должно быть, бросил совсем заниматься наукою. Все изыскивает новые методы или, как у нас теперь говорят, “подходы”» (Тункина 2004: 752). В том же письме Жебелёв констатировал: «Недавно читал доклад о греческом искусстве, к которому, как он выразился, нужно придумать какую-нибудь этикетку. Таковую оказалось “движение”, а у всего последующего искусства, оказывается, такую этикеткою служит “пространство”» (Тункина 2004: 752).

Теория развития искусства, разрабатывавшаяся Шмитом на рубеже 1910—1920-х гг. и привлекавшая внимание ряда искусствоведов и культурологов конца XX в., не встретила понимания у представителей академической науки: она ассоциировалась со спекулятивными построениями, открытыми идеологическим манипуляциями, получившими распространение в 1920-е гг. В письме Жебелёва речь шла о докладе Шмита «Основная проблема античного искусства», сделанном 7 февраля 1925 г. на совместном заседании Объединенного совещания разрядов греко-римского искусства, археологии Скифии и Сарматии Российской академии истории материальной культуры, Отдела древностей Государственного Эрмитажа и Отделения античного искусства Института истории искусств под председательством Б.В. Фармаковского. Против основного тезиса доклада выступили и председатель, и такие авторитетные специалисты, как О.Ф. Вальдгауер и Б.Л. Богаевский. Дискуссии по докладу продолжались и на заседании 21 февраля (в отсутствии самого докладчика), когда свои соображения по этому поводу озвучил уже С.А. Жебелёв, не высказавший их в прошлый раз «за поздним временем» (ОР НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 30. Л. 10—15).

Формально отношения возглавляемого Шмитом института и Академии наук были вполне корректными и даже дружественными. О юбилее института Шмит, например, писал находившемуся в командировке Вальдгауеру: «Юбилей института мы торжественно отпраздновали и заседанием, и спектаклями, концертами, докладами, выставками. Все сошло

прекрасно — без сучка и задоринки, как говорится; получено много приветствий, личных (в том числе от А.П. Карпинского, президента АН), телеграфных (прекрасную телеграмму прислал из Москвы Н.Я. Марр) и письменных» (АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 376. Л. 9). Однако тесным сотрудничеством на личном уровне не получалось. Если в первой половине 1920-х гг., при основателе и первом директоре института В.П. Зубове непреременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург все же принимал участие, пусть и спорадическое, в деятельности института, Шмиту установить с ним контакты не удавалось¹. 11 апреля 1926 г. Ольденбург писал Шмиту: «Жалею, что недостаток времени не позволяет мне быть на целом ряде интереснейших сообщений в Вашем институте, который, как слышу, живет весьма интенсивно» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 114. Л. 1 об.). Безуспешными, судя по всему, были и попытки Шмита, участвовавшего в подготовке искусствоведческих статей для Большой советской энциклопедии, привлечь Ольденбурга к этой работе.

Переезд Шмита в Ленинград нашел отражение и в переписке Жебелёва с академиком В.П. Бузескулом, жившим в Харькове и хорошо знавшим ученого. 21 марта 1926 г. Бузескул писал в Ленинград: «Ф.И. Шмит, без сомнения, — способный и прекрасный лектор, даже его небольшой физический недостаток этому нисколько не мешает; он может даже нравиться. Ф.И. Шмит пользовался у нас большим успехом, имел всегда большую аудиторию, привлекал многих к занятиям историей искусства. Мы были довольны им как коллегой, избирали его в деканы на Высших Женских Курсах. Вот только его “философия истории” внушала нам большие сомнения; нам, старикам, казалось, что тут много легкомыслия и мало знакомства с историей вопроса, и мы не раз возражали Ф.И., а он объяснял это, по-видимому, нашу “отсталость”, нашу рутину» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 162. Л. 9 об. — 10).

Отношение ленинградских коллег к Шмиту было более настороженным. 12 марта 1925 г. Жебелёв писал Бузескулу: «Вы спрашиваете, был ли Ф.И. Шмит на чествовании Ф.И. Успенского? Был, но встреча обоих Федоров Ивановичей была довольно краткая и кислая. Ф.И. Шмит старается действовать вовсю. В возглавляемом им Институте истории искусств нет, однако, денег, а теперь без денег ничего не сделаешь. В Академии материальной культуры Ф.И. Шмит читал и будет еще продолжать читать об архитектуре и мозаиках монастыря на Хиосе ... Работа была им написана еще в 1912 г., когда он не был еще столь знаменитым, как теперь и, должен сказать, работа его очень хорошая и обстоятельная. *Sic transit*². К счастью, должен подчеркнуть это, Ф.И. Шмит и теперь во внешних сношениях очень корректен и не склонен к излишней болтовне, чем теперь многие грешат. Думается мне, что у нас он долго не уживется: слишком узко для него поле деятельности. Правда, говорят о привлечении его в Академию наук, но, я думаю, это злая болтовня его конкурентов» (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 76. Л. 18 об. — 19). И добавлял 6 апреля 1925 г.: «Что касается Ф.И. Шмита, то одно делает ему, по теперешним временам, бесспорную честь: держится вполне корректно и, пока что, инсинуациями не занимается. Все же, кажется, он чувствует себя неудовлетворенным» (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 76. Л. 21 об.).

¹ См., например, в письмах Шмита Вальдгауеру: «Необходимо теперь же принципиально решить и вопрос о новой Секции Восточного Искусства. Я Вам о ней говорил: как будто И.А. Орбели, С.Ф. Ольденбург и др. приветствуют это дело»; «...уже начал переговоры с С.Ф. Ольденбургом и И.А. Орбели об организации Секции Восточного (без России и Византии) Искусства, куда мог бы войти и Г.И. Котов, а может быть — Н.Н. Пунин или еще кто-нибудь» (АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 376. Л. 11 об., 12 об.).

² Начальная часть выражения «*sic transit gloria mundi*» — «так проходит слава мира» (*лат.*).

В июне того же 1925 г. появились слухи о возможной причине этой неудовлетворенности. Стало известно, что «немецкая партия» в Эрмитаже попыталась добиться снятия с должности директора музея С.Н. Тройницкого: «Говорят даже, что на его место прочат Ф.И. Шмита. Если он попадет, не удивлюсь ... чего ради Ф.И. Шмит перебрался в наш город. Быть директором Эрмитажа импозантно». Когда в 1927 г. Тройницкий все же был снят с должности, имя Шмита по-прежнему называлось среди имен возможных преемников. Искусствовед и сотрудник Эрмитажа Ф.Ф. Нотгафт писал 22 мая 1927 г. искусствоведу и коллекционеру П.Е. Корнилову: «В Эрмитаже беда — уволен С.Н. Тройницкий. Очень тревожно, что будет дальше. Вальдгауер, Орбели, Марр, Бартольд, Федор Шмидт или кто другой» (ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 909. Л. 14). Однако возглавить Эрмитаж Шмиту так и не пришлось.

Его идеи явно в большей степени импонировали молодежи. Известно, что вслед за ним из Украины в Ленинград перебралось несколько его учеников, в том числе, например, Е.Э. Липшиц и А.С. Гущин, впоследствии ставшие крупными учеными. Оставшиеся вспоминали о нем и интересовались его судьбой на новом месте. Так, например, молодой искусствовед и музейный работник П.А. Кульженко писала художнице Е.К. Эвенбах: «Как работает у Вас в Ленинграде Шмит? Довольны ли им ленинградцы? Мы все очень жалеем о его отсутствии, — это был один из самых живых у нас людей» (ОР ГРМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 172. Л. 1 об.).

Когда к концу 1920-х гг. положение Шмита в Институте истории искусств, раздираемом внутренними конфликтами и испытывавшем все более и более жесткое давление складывающегося тоталитарного государства сталинского образца, стало совсем тяжелым, а ситуация в постоянно реформируемом (а фактически — уничтожаемом) университете не могла ощущаться как сколько-нибудь стабильная, избрание в Академию наук вполне могло рассматриваться ученым как путь к некоторой стабильности (иллюзорной, как вскоре покажет трагедия Академического дела). Нами уже было сделано предположение, что приписав выбор темы своей магистерской диссертации именно Ф.И. Успенскому, Шмит пытался в очерке, посвященном памяти покойного академика, сконструировать прямую линию научной преемственности и делал это с оглядкой на возможное замещение академического кресла по византистике (Ананьев 2019).

Косвенным свидетельством этого может служить записка, адресованная Шмиту С.А. Жебелёвым (к тому времени уже академиком) и датированная 12 июля 1929 г.:

Глубокоуважаемый Федор Иванович!

не считите за комплимент — написали Вы о Вашем покойном тезке очень живо и увлекательно. Мне казалось бы только, что хорошо было бы прибавить к заглавию, в скобках, «по моим воспоминаниям», или что-либо в этом, дабы читатель не ожидал в Вашей статье найти больше, чем она дает. Так как типография академическая с 15 июля по 15 августа гуляет, то дать ход статье можно будет только после этого срока.

Преданный Вам
С. Жебелёв.

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 123. Л. 16).

Таким образом, становится очевидным, что свой текст Шмит написал почти через год после смерти Успенского и пытался опубликовать именно в академическом издании в

преддверии академических выборов. Публикация, однако, не состоялась. Но выдвижение кандидатуры все же произошло. И вновь по инициативе научной молодежи! Для этого Шмиту пришлось обратиться к своим ученикам: как в Харькове, так и в Ленинграде.

Как пишет Е.Ю. Басаргина, «Шмит уже в 1928 г. понимал, что скоро наступит конец его карьере в Институте, и попытался занять кафедру византиноведения в Академии наук, освободившуюся в сентябре 1928 г. после смерти Ф.И. Успенского. Уже 3 октября 1928 г. Шмит обратился к своему бывшему ученику по Харьковскому университету Д.П. Гордееву с просьбой предложить его кандидатуру. Гордеев с готовностью откликнулся на эту просьбу и составил от Харьковской секции научно-исследовательской кафедры искусствovedения при УАН и ряда харьковских музеев представление <...> Все необходимые для представления документы Гордеев направил Н.Я. Марру с просьбой выставить кандидатуру Шмита, “если к тому не встретится препятствий”. В 1928 г. выборов, однако, не было, а в следующем, 1929 г., научная общественность поддержала кандидатуру Д.В. Айналова, который, к сожалению, тоже не прошел» (Басаргина 1999: 488).

Приводим письма Шмита.

№ 1

Ф.И. Шмит — Д.П. Гордееву

3 октября 1928 г.

Дорогой Дмитрий Петрович,

Пишу Вам совершенно доверительно и по странному делу. Заранее прошу Вас на это странное дело посмотреть с тою прямою, с какою я решился Вам написать, и на вопрос, который я намерен Вам поставить, ответить «да» или «нет», не считаясь ни с чем, кроме как с собственным пониманием и сути дела, и своих прав и обязанностей.

Скончался академик Ф.И. Успенский. Кафедра его будет в ближайшее время объявлена вакантною. Замещаться она будет в том же порядке, который определяется уставом АН — в течение 2 месяцев всем желающим учреждениям и лицам дано право представлять своих кандидатов (с приложением обязательно полных мотивировок и документов), затем в течение 2 месяцев идет публичное обсуждение названных кандидатур, а затем все делопроизводство обсуждается и голосуется в АН.

На кафедру Ф.И. Успенского возможны следующие кандидатуры: В.Н. Бенешевича, «чистого историка», т.е. историка византийской церкви и, в какой-то мере, византийской государственности; Д.В. Айналова — о нем я могу не распространяться; наконец, моя. Должен признаться, что живых византинистов, которые могли бы претендовать на академическое кресло, я других сейчас не вижу ни в Питере, ни в Москве, ни где-либо.

В.Н. Бенешевич известен, как яростный контрреволюционер, так что, по всему вероятно, будет отведен. Кроме того, насколько я знаю его труды, В.Н. Бенешевич не является человеком, способным выйти за традиционные рамки; я совершенно искренне убежден, что он будет бледным академиком, — а византиноведение сейчас находится в угрожаемом состоянии, и мы себе роскошь иметь бледного академика-византиниста позволить не можем.

Д.В. Айналов выставлен кандидатом уже в число 42. Или он пройдет — и вопрос о нем отпадет; или он не пройдет — тогда вновь поставить вопрос о нем в непосредственном будущем тоже не представится возможным.

Можно было бы выставить кандидатуру А.А. Васильева³ — и если бы А.А. Васильев не сбежал (хотя и с законным паспортом, но на чрезмерно долгий срок) за границу, он, несомненно, был бы очень сильным кандидатом. Но при сложившихся обстоятельствах, А.А. Васильев будет, наверное, отведен.

Остаюсь я. Чтобы я был особенно желательным для АН или для Правительства или для Партии кандидатом — никто и утверждать не станет. Но я не думаю, что меня кто-нибудь отведет. Если не выставить мою кандидатуру, легко может оказаться, что кафедру Ф.И. Успенского займет не-византинист. Это было бы жаль. А для моего себялюбия (я не говорю о самолюбии, потому что я никогда вопросов чести из внешних обстоятельств жизни не делал и не намерен делать) было бы жаль, если академический оклад, который может обеспечить самую возможность плодотворной работы, пропал бы раз навсегда для византистики.

Мне очень хотелось бы, чтобы кто-нибудь выдвинул мою кандидатуру, хорошо ее мотивировав. Кто мог бы это сделать? В Киеве в Академии некому писать отзыв — да едва ли Киевская Академия станет рекомендовать своих сочленов в АН СССР. В нашем Институте мне неловко поднимать вопрос — все-таки: директор, которого рекомендуют его, так сказать, подчиненные. Остается один Харьков, т.е. Вы.

Если Вы сочтете для себя возможным такое дело, напишите мне, и я Вам немедленно вышлю все нужные Вам материалы — жизнеописание, список работ. Если Вы промолчите, я буду знать, что Вы считаете для себя предприятие неудобным. Будьте уверены, что ни в какой мере и ни на одну минуту Ваше молчание не испортит наши с Вами старинные дружеские отношения.

Искренне Ваш

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 35. Л. 1—1 об.)

№ 2

Ф.И. Шмит — Д.П. Гордееву

На бланке с талоном о приеме на почте заказного отправления
21 октября 1928 г.

Дорогой Дмитрий Петрович,

Телеграмму Вашу получил и в ответ высылаю материалы, т.е. жизнеописание, список печатных трудов, набросок характеристики. За точность фактов жизнеописания и списка трудов я ручаюсь, так что Вы ими можете оперировать, как Вам угодно. Из списка трудов я уже изъял много всякого хлама. Возможно, что Вы, более объективно, чем возможно для автора, выкинете из списка и еще кое-что — №№ 4, 7, 8, 9, 13, 20, 23, 25, 27, 30, 32, 33, 35, 39, 47, 59, например ... останется 47 №№ и довольно. Ведь список пойдет не от моего имени, а от Вашего! Что касается характеристики, я в ней изложил, как я сам понимаю ход своего научного развития, — но это все для Вас уж окончательно ни в какой мере не обязательно.

³ Васильев, Александр Александрович (1867—1953) — российский, американский византинист, в мае 1925 г. по ходатайству РАН и РАИМК по линии Наркомпроса поехал в Берлин и Париж в научную командировку сроком до 15 сентября, однако в августе 1925 г. направился в США на один год для преподавательской работы, командировка продлевалась до 1 июля 1928 г. (Бонгард-Левин, Тункина 1997: 260); профессор Висконсинского университета, член-корреспондент РАН (1919), с 1919 г. — в РАИМК (в 1920—1921 гг. — ее председатель).

Теперь, еще одно: если Вы напишите и проведете через какую-то харьковскую научную организацию (это, по-видимому, совершенно необходимо) — для этого, может быть, потребуется специальное разрешение или согласование с Укрнаукою? — свое представление, направьте его частным образом Н.Я. Марру. Марру виднее, стоит ли возбуждать вопрос обо мне в качестве наследника Ф.И. Успенского, или не стоит. По-моему, Вы могли бы вполне положиться на Марра в этом вопросе: Марр лично ко мне относится несомненно хорошо, так что совет даст верный.

Сердечно Вас любящий

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 35. Л. 2).

План этот нашел полную поддержку у Гордеева. В двадцатых числах октября он писал в Ленинград (точную дату установить не представляется возможным, т.к. на месте второй цифры в письме стоит след от дырокола):

№ 3

Д.П. Гордеев — Ф.И. Шмиту

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Иванович!

Ваше письмо, от 3.Х. с.г., мне переслали сюда и тогда же вчера Вам телеграфировал. Повторяю — сделаю все возможное по этому делу. Я предполагаю внести заявление от здешней Ассоциации востоковедения (уже предварительно говорил вчера с Риттером, который снесется с Бузескулом о формальной стороне дела). Далее, когда Озерский (зав. Укранукой) вернется в Харьков (полагается около 25.Х), я запрошу — не встречается ли со стороны Укрнауки препятствий, чтобы Харьковская секция Научно-исследовательской кафедры искусствоведения подала такую же заявку, а равно и ряд харьковских музеев. Всю агитацию я, конечно, провожу по своей инициативе — надеюсь, это не встретит от Вас возражения. Если почему-либо возникнут задержки по линии учреждений, то гарантирована подача заявления от группы ученых — вчера, от своего имени, я уже беседовал с членами секции и другими. Как только получу от Вас обещанные в письме материалы — немедленно составлю все нужные документы для заявки <и> вышлю, куда Вы мне укажете. Если с первым пакетом — на телеграмму — не выслали, то дополнительно вышлите сюда точную инструкцию, куда и в какой срок и каким образом направить заявку в АН. Или, быть может, лучше все бумаги я мог бы направить Вам для предварительного ознакомления, а Вы, если одобрите редакцию и текст, уже сами перешлете в Ленинграде по назначению?

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 6—6 об.).

Следующее октябрьское письмо Гордеева содержало более конкретную информацию о проделанной работе:

№ 4

Д.П. Гордеев — Ф.И. Шмиту

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Иванович!

Вчера получил Вашу открытку от 25 с.мес., — очень рад; спасибо за указания по БСЭ. По делу о Вашей кандидатуре могу сообщить следующее — 1) записка «Ф. И. Шмит как историк византийского искусства etc», подписанная мною, Зуммером и Таранушенко, уже совместно с *curriculum vitae* и списком трудов имеет хождение. Сегодня говорил с зав. Укрнаукой Наркомпроса УССР т. Озерским о желании секции и харьковских научных музеев выставить Вашу кандидатуру на византиноведческую вакансию в АН СССР и не встретил к тому с его стороны возражений, «подтримати» же он отказался, потому что состоит в комиссии (по выборам 42 в АН). Спрашивал лишь, как у Вас по политической части, вспоминая Харьковский процесс. Имейте это ввиду и, если будет нужно, то информируйте Марра о фактах, чтобы был в курсе дела. 2) Сейчас собираю подписи по секциям и музеям под отношениями к Николаю Яковлевичу, согласно Вашему желанию, раз по укрнауковской линии все устроено. При сем пересылаю для сведения копии обоих отношений — и от секций и от музеев, а равно и копию препроводительного письма к Николаю Яковлевичу; направлю ему все, как только соберу все нужные подписи. 3) В ближайшее же время постараюсь провести это дело и по Ассоциации востоковедения здешней. Копию и их отношения своевременно дошлю.

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 9—9 об.).

В ноябре Гордеев отправил следующее письмо:

№ 5

Д.П. Гордеев — Ф.И. Шмиту

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Иванович!

Я здесь задержан Укрнаукой — бумажными волокитами. Это дало возможность повидаться с вернувшимся сюда В.П. Бузескулом. О разговоре с ним пишу и Марру — выкопировав эту часть письма посылаю при сем. Добавлю, что Владислав Петрович в частном разговоре не очень-то меня обнадеживал, рисуя общую ситуацию в АН. Из его отдельных замечаний я составил себе следующее представление о положении дела — по-видимому, у ряда академиков есть желание иметь заместителем Ф.И.⁴ — Васильева (и он ведь не эмигрант, а в законном отпуску, где печатает работы в Англии и Америке, «возможно, что с ним будут списываться»). Ф.И. перед смертью, оказывается, решительно высказался за Бенешевича, как за своего преемника, однако, его кандидатура, по-видимому, у многих не встречает сочувствия. Айналов выдвинут по искусству, но о нем был разговор уже и как о византинисте. Относительно Вас как кандидате Владислав Петрович⁵ — общей ситуации, а не лично (тут он был очень тепло настроен) — сказал, что в нынешнем, не расширенном составе, сомнительно большинство, но «подать заявление, конечно, можно». После январских выборов расширенного состава эта кандидатура возможно и пройдет. Когда официально будет объявлено о вакансии, а это — как видите — состоится по-видимому в

⁴ Имеется в виду академик Ф.И. Успенский.

⁵ Речь идет об академике В.П. Бузескуле.

январе или несколько позднее (Вам об этом виднее следить, кажется такие публикации даются в московских «Известиях»), то тогда уведомите меня, чтобы я, если будет нужно, написал тогда Ник. Яковл.⁶, чтобы напомнить.

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 8—8 об.).

В письме Марру Гордеев писал:

В дополнение официального письма от 31.X.c.g. должен в частном порядке добавить нижеследующее:

1) т.к. я был задержан получением бумаг Укрнаукой, то я смог повидаться сегодня с вернувшимся из Ленинграда академиком В.П. Бузескулом, с каковым говорил и о выдвижении кандидатуры Ф.И. Шмита. По его словам, объявление о вакансии на кафедру византиноведения состоится после выборов академиков по увеличению штата АН, по-видимому, в январе 1929 г. Поэтому отношения секций и музеев, а равно и наша записка посылаются недатированными. Если в соответствующий момент Вы найдете, согласно желанию Ф.И. Шмита, желательным и возможным представление его кандидатуры, то тогда мы просим нужными числами датировать эти документы. 2) Если бы потребовалось представить еще какие-либо заявления или изменить форму представления — благоволите уведомить для выполнения.

(ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98. Л. 10).

Как показывают материалы, сохранившиеся в московских архивах, представлений в 1929 г. было как минимум два. Одно, действительно, было направлено в Академию наук от четырех харьковских научных учреждений, три из которых были музеями. В фонде самого Шмита сохранилась машинопись, текст которой практически идентичен первой части этого представления. На ней в верхнем правом углу первого листа рукой Шмита простым карандашом указаны авторы: Д.П. Гордеев, В.М. Зуммер, С.А. Таранушенко (ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 164. Л. 1). Второе подписано руководством пригородных дворцов-музеев Ленинграда, в которое в этот период входило несколько молодых людей, часть которых, вероятно, училась у Шмита в университете, а другие хорошо знали его по совместной работе пригородных дворцов-музеев и Института истории искусств, в середине 1920-х гг. активно включившегося в музейное строительство Ленинграда. Таким образом, именно представители музейного мира оказались наиболее отзывчивы к многогранной научной деятельности Шмита.

17. ШМИТ, Федор Иванович — Ленинград⁷

I

I. Харьковские секции научно-исследовательской кафедры искусствоведения при Всеукраинской А.Н.

II. Харьковский Государственный Художественно-Исторический Музей.

III. Харьковский Археологический музей

IV. Харьковский Музей Украинского Искусства.

⁶ Имеется в виду академик Н.Я. Марр.

⁷ Здесь зачеркнуто: Киев.

а) Шмит не замыкается ни в области изучения византийского искусства, ни даже в области истории искусства вообще: за последние 12 лет он выступал и как педагог, и как теоретик исторического процесса, и как практик-организатор научной работы.

1) В области истории византийского искусства Шмит, прежде всего, опубликовал ряд дотоле неизвестных или неудовлетворительно известных памятников первостепенного значения: мозаики Кахриэ-джами⁸, мозаики кипрской Панагии Ангелозданной⁹, мозаики Архиепископской капеллы в Равенне¹⁰, мозаики равеннской церкви Михаила Архангела¹¹, мозаики никейской церкви Успения¹²; новые данные опубликованы им и о мозаиках киевской св. Софии¹³ и киевского Михайловского Златоверхого собора¹⁴. Кроме того, Шмит впервые в печати сообщил точные сведения о росписи Погановского монастырского собора¹⁵, обследовал (после Ш. Диля¹⁶, Шульца и Барнсли¹⁷ и пр.) мозаичную роспись собора преподобного Луки в Стириде¹⁸. Большая публикация архитектуры и мозаик церкви хиосского Нового монастыря, уже напечатанная в очередном Т. XV «Известий Русского Археологического Института в Константинополе»¹⁹ и погибшая в 1914 г. при начале русско-турецкой войны, в настоящее время, по сохранившимся корректурным оттискам, вновь готовится к печати и должна появиться в одном из ближайших томов издаваемого в Мюнхене *Byzantinisches Archiv*²⁰.

Как исследователь истории византийского искусства Шмит начал с иконографических штудий о цикле богородичных легенд в Кахриэ-джами, о Благовещении²¹, о Крещении²² и т.д. Еще напечатанная в 1913/14 г. статья о мозаиках монастыря преподобного Луки отличается чисто иконографическим характером, также как статья о Равеннских мозаиках 1112 года²³, появившаяся в 1914 г., и написанная много раньше, но изданная только в 1917 г., статья «Заметки о поздневизантийских храмовых росписях»²⁴. Но уже в статье «Что такое

⁸ Имеется в виду Храм Христа-Спасителя в Полях ансамбля монастыря в Хоре в Стамбуле, хорошо сохранивший первоначальный вид; построен в 1077—1081 гг., перестроен в 1315—1321 гг. Мозаики и фрески храма — выдающийся пример поздневизантийского (палеологовского) Ренессанса. С 1948 по 2020 гг. — музей; см.: (Шмит 1906).

⁹ Имеется в виду базилика Всесвятой Богородицы Ангелозданной, расположенная в окрестностях Ларнаки (о. Кипр); построена, предположительно в XII в., перестроена в XVI в. В конхе алтарной апсиды Я.И. Смирнов открыл мозаику Богоматери Одигитрии с Младенцем-Христом, которую Ф.И. Шмит датировал IX в.; см.: (Шмит 1911с: 206—239).

¹⁰ Имеется в виду Капелла Св. Апостола Андрея, построенная в конце V — начале VI в. при Теодорихе.

¹¹ Имеется в виду церковь Сан-Микеле-ин-Афричиско, освященная в 547 г.; перестраивалась в XIII и XVI—XVII вв.; мозаики апсиды в настоящее время находятся в Музее Бодэ, Берлин; см.: (Шмит 1915: 47—54).

¹² Имеется в виду церковь Успения Пресвятой Богородицы в монастыре Иакинфа в Никее (совр. Изник, Турция); построена не позднее 726 г.; см.: (Schmit 1927).

¹³ Шмит 1913: 3—22.

¹⁴ Шмит 1919: 79—85.

¹⁵ Schmit 1908: 121—128.

¹⁶ Diehl 1889: 1—73; 1896: 231—246; 1905: 370—391; 1910: 476—479.

¹⁷ Schultz, Barnsley 1901: 1—76.

¹⁸ Монастырь Св. Луки Элладского — выдающийся памятник византийского искусства X в., расположенный недалеко от Стириды (Греция) на дороге из Ливадии в Дельфы. Ф.И. Шмит в частности отстаивал датировку мозаик кафоликона XII в.; см.: (Шмит 1912а: 45—50; 1914а: 318—334).

¹⁹ Как следует из ниже приведенного изложения, речь идет о работе «История византийской монументальной живописи XI—XIV вв.». В томе XV ИРАИК изданы три работы Ф.И. Шмита, но в них мозаики хиосского монастыря Неа Мони не анализируются. Очевидно, том формировался заново после того, как первый вариант набора был утерян в ходе боевых действий.

²⁰ Опубликована не была. О ее судьбе см.: (Басаргина 1999: 493—494).

²¹ Шмит 1911b: 31—72.

²² Шмит 1911с: 73—91.

²³ Шмит 1914b: 7—36.

²⁴ Шмит 1917: 62—126.

византийское искусство?» в «Вестнике Европы» за 1912 г.²⁵ и столь же остро в статье «La Renaissance de la peinture byzantine au IV siècle», появившейся в том же 1912 г. в «Revue archéologique»²⁶, вопрос ставится уже не о сюжетах, а о стиле, и не об отдельных памятниках, а о построении всего исторического процесса развития, поскольку он сказывается в истории византийского искусства.

И раз эти большие вопросы выдвинулись для Шмита на первый план, он по необходимости расширил поле своих исследований.

2) В своем университетском курсе 1914/15 г. Шмит попытался, далеко за пределами своей византиноведческой специальности, на искусстве древнего Востока проверить нащупанные им в развитии византийского искусства закономерности. Появляется книга «Законы истории», вып. 1²⁷. Разумеется, никакого выпуска 2 за этим первым не последовало: стало ясно, что нельзя говорить о закономерностях развития, раз самая суть художественных явлений остается неведомою. Шмит убедился, что те изменения содержания, которые он констатировал в искусстве древнего Востока и в искусстве Византии, не могут быть объективно и точно устанавливаемы, пока на будут прослежены те бесспорные формальные изменения стиля, которые происходят с течением времени. Книга 1919 г. «Искусство, его психология, его стилистика, его эволюция»²⁸, поставившая все вопросы теории искусства в новом разрезе, должна была ответить на них лучше, чем это было сделано в «Законах истории».

Смену стилей в искусстве Шмит охарактеризовал рядом стилистических проблем, которые сменяются по мере роста образного мышления человечества, и которые обуславливают особую структуру мышления, господствующую в каждую данную эпоху. Так как количество этих проблем ограничено, вся история должна повторяться, т.е. вся история человечества должна распадаться на отдельные циклы, в каждом из которых исторический процесс развертывается однообразно—закономерно, проходя через ряд фаз и исчерпывая себя в этом прохождении. Отныне вопрос о повторяемости стилей, вопрос, следовательно, о стилях, как обще-исторических категориях, занял первое место в работе Шмита.

3) В неблагоприятной обстановке империалистической войны, революции и гражданской войны нельзя было и думать о том, чтобы предпринять в общеисторическом масштабе те исследования, которые только и позволили бы в деталях проверить получившиеся в результате теоретической работы выводы на фактах. Шмит поэтому решил приложить эти выводы к изучению детского художественного творчества: если биогенетический закон и должно формулировать очень осторожно, то развитие образного мышления, если оно происходит законообразно, должно протекать одинаково и у детей, и у человечества, потому что законосообразность развития основана на существовании образного мышления, а не на метафизике. Шмит организует в Харькове сбор детских рисунков, основывает в Харькове целый музей детского художественного творчества и публикует результаты своих наблюдений в брошюре²⁹, затем в книге на украинском языке³⁰, наконец, — в книге «Почему и зачем дети рисуют», изданной ГИЗом в Москве в 1924 г.³¹ Все развитие ребенка, как оказалось, действительно, распадается на несколько циклов, в

²⁵ Шмит 1912b: 221—225.

²⁶ Schmit 1912: 127—142.

²⁷ Шмит 1916. В этом выпуске рассматривались закономерности развития искусства древнего Египта, Месопотамии и крито-микенской цивилизации.

²⁸ Шмит 1919b.

²⁹ Шмит 1918a; 1918b; Шмит 1919d.

³⁰ Шмит 1921.

³¹ Шмит 1924.

пределах которых можно отчетливо различать все исторические и теоретически установленные фазы — об этом свидетельствуют огромные массы подлинных материалов, накопившихся в киевском академическом Кабинете достижения дитячей творчности.

4) Но педологический материал показал с полной убедительностью, что смена структур образного мышления совпадает со сменой возрастов, с глубокими изменениями, следовательно, которые происходят в самом организме. И так как Шмит к педагогическим вопросам подходил все время в надежде извлечь из наблюдений над детьми материал для исторических выводов и обобщений, он не мог пройти мимо и этой закономерности. В области истории эти закономерности называются историческим материализмом. Шмит силою вещей был поставлен лицом к лицу с марксистскою теорией. Но так как марксистская теория именно в применении к искусству еще не разработана, Шмит не мог удовлетвориться простым заимствованием плехановских или иных положений, а тщательно прорабатывает вопрос. Оба издания книжки «Предмет и границы социологического искусствovedения» свидетельствуют об этой работе.

В настоящее время Шмит, считая общую схему исторического процесса в грубых чертах твердо установленной, занят детальными изысканиями в области вопроса о скоростях исторического Прodвижения, о влиянии т.н. «заимствований» на эти скорости, о сложении скоростей и т.д. Эти изыскания могут быть проведены только на конкретном материале, и Шмит поэтому возвращается к тем византиноведческим темам, которыми он, как будто, пренебрегал в течение ряда лет: уже появилась его монография о Никее, готовится к печати новая монография о хиосском Новом монастыре³², задуман ряд работ о русско-византийских памятниках средневековья.

5) Как организатор научной работы Шмит проявил себя уже в Харькове, где он принял чрезвычайно деятельное участие как в деле строительства харьковских Высших женских курсов, так, особенно, в 1913—1921 гг. в деле музейного строительства³³. Таким же организатором Шмит остался и в Киеве, и в Ленинграде, где он с начала 1925 г. работает в качестве директора Государственного Института истории искусств.

6) Шмит родился 3/15 мая 1877 в Санкт-Петербурге. Среднее образование получил там же <в> 1886—1894 <гг.> в классической гимназии. <В> 1895 <г.> поступил на Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Университета и кончил курс <в> 1899 <г.> по классическому отделению. <В> 1900 <г.> сдал государственные экзамены и был оставлен при Университете «для приготовления к профессорскому званию» по кафедре теории и истории искусств.

Еще до сдачи государственных экзаменов Шмит осенью 1899 <г.> уехал в Италию, заняв должность домашнего учителя в доме тогдашнего русского посла в Риме А.И. Нелидова³⁴. Две зимы, проведенные в Риме, и ряд поездок по художественным центрам Италии дали Шмиту возможность ознакомиться с памятниками и античного, и средневекового, и нового искусства, причем, под влиянием такого тонкого знатока Византии, каким был А.И. Нелидов, интересы Шмита все больше сосредоточивались на средневековье, которое казалось мостом между классическою древностью и ренессансом. Поэтому Шмит исходатайствовал себе командировку в Русский Археологический Институт (1901—1904) в Константинополе.

³² Работа над ней велась ученым во второй половине 1920-х гг. Не опубликована. См. выше прим. 14.

³³ Шмит 1919с.

³⁴ Нелидов, Александр Иванович (1835—1910) — дипломат, посол в Италии (1897—1903) и Франции (1907—1910).

Немедленно по приезде в Константинополь Шмит, по предложению Директора РАИК академика Ф.И. Успенского, приступил к монографическому исследованию архитектуры, мозаик и фресок знаменитейшего памятника искусства эпохи Палеологов Кахрие-джами. Когда работа над самим памятником, к лету 1905 г., была закончена, Шмит использовал третий год командировки для длительного путешествия на Афон, в Салоники, Смирну, по Греции, Сицилии, Южной Италии, в Рим. Проработав несколько месяцев над греческими рукописями Ватиканской библиотеки, Шмит снова пустился в путь, посетил весной 1904 <г.> Ассизи, Римини, Болонью, Милан, Дженову, Верону, работал затем в библиотеках Мюнхена и Вены и, наконец, к осени вернулся в Санкт-Петербург.

Здесь Шмит с начала учебного года занял должность преподавателя истории и древних языков в Петергофской гимназии. Закончив вчерне текст диссертации о Кахрие-джами, Шмит летом 1905 г. вновь поехал в Константинополь для окончательной отделки книги и съездил в Грац, чтобы посоветоваться с знаменитым византинистом Й. Стржиговским³⁵. Летом 1905 <г.> Шмит отправился в Софию (Болгария), чтобы лично наблюдать за печатанием своей книги³⁶ и ознакомиться попутно с болгарскими средневековыми памятниками. Болгарское правительство пригласило Шмита на следующий год специально приехать в Болгарию для разработки плана археологического изучения страны. Летом 1907 г. Шмит, действительно, посвятил три месяца систематическому обследованию памятников всей Болгарии и положил начало той работе, которая с тех пор ведется болгарскими Археологическим обществом и Археологическим институтом.

Летом 1908 <г.> Шмит, сдав тем временем магистерские экзамены, был назначен и.д. ученого секретаря КЛИ³⁷, в каковой должности был утвержден весной 1909 <г.> по защите диссертации в Санкт-Петербургском университете. В университете Шмит заведовал библиотекою и художественно-историческими собраниями. При каждой возможности Шмит предпринимал более или менее длительные поездки по центрам византийского искусства: на Хиос, в Смирну, в Салоники, в Никею. Весной 1912 <г.> Шмит был представителем Института на международном конгрессе ориенталистов и использовал командировку для того, чтобы обойти еще не виденные им части Греции — Скрипу³⁸, Стириду³⁹, Дельфы⁴⁰, Мега-Спилеон⁴¹, и чтобы исследовать архитектурные памятники Монемвасии⁴².

Осенью 1912 <г.> Шмит был избран Историко-филологическим факультетом и Советом Харьковского университета на кафедру теории и истории искусств; по приезде в Харьков Шмит стал также профессором Высших Женских Курсов и преподавателем Художественного училища, позднее — еще и профессором Консерватории. На 1913, 1914,

³⁵ Стржиговский, Йозеф (Strzygowski, Józef; 1862—1941) — австрийский искусствовед-востоковед широкого профиля, профессор университета Граца (1892), директор Института истории искусств при Венском университете (1909—1933), сторонник идеи о сильном влиянии Византии на формирование западноевропейского искусства; поддерживал тесные контакты с российскими коллегами — Д.В. Айналовым, С.Ф. Ольденбургом. О нем и о его контактах с российскими коллегами, в том числе о конфликтах, см. пристрастную, но информативную публикацию: Marchand 2015: 257—285.

³⁶ Имеется в виду работа (Шмит 1906).

³⁷ Так в тексте. Ошибка в машинописи. Правильное чтение — КАИ, что можно трактовать как Константинопольский археологический институт.

³⁸ До 1955 г. название г. Орхоменос в Беотии (Центральная Греция). В нем расположен монастырь Панайа с церковью Успения Пресвятой Богородицы; датируется 873—874 гг.

³⁹ Местность, рядом с которой расположен Монастырь Св. Луки Элладского, см. выше прим. 12.

⁴⁰ Город в Юго-Восточной Фокиде.

⁴¹ Μέγα Σπήλιον — «великая пещера»: один из древнейших монастырей Греции, расположен в Пелопоннесе рядом с г. Калавриты.

⁴² Название деревни на одноименном острове рядом с Пелопоннесом, происходит от др.-греч. μόνη ἔμλασία — «один вход». Сохранилась церковь Св. Софии (1150 г.).

1916, 1917 и 1919 <гг.> Шмит избирался деканом Историко-филологического факультета ВЖК, а в январе 1920 <г.>, по установлении Советской власти на Украине и по слиянии ВЖК с университетом, был избран деканом факультета в университете. В этой должности Шмит оставался до 15 июня 1921 <г.>, когда Харьковский университет был упразднен. За время 1913—1921 <гг.> Шмит состоял членом и председателем многочисленных факультетских и советских комиссий, как в Университете, так и на ВЖК. Непосредственно после февральской революции Шмит был бессменным председателем всех общих собраний научных работников Харькова. <В> 1919 <г.> Шмит стоял во главе им же основанного Вольного Факультета искусств.

За время 1912—1921 <гг.> Шмит предпринял ряд поездок с научной целью; летом 1913 <г.> — сначала в Северную Италию для специального изучения Равеннских мозаичных росписей, а затем в Новгород и Псков, летом 1914 <г.> — в Берлин для работы в музеях и библиотеках (начало империалистической войны помешало продолжить путешествие дальше на юг); зимой 1915—1916 <гг.> — в Санкт-Петербург для работы в архиве Археологической комиссии и разыскания материалов о византийских памятниках Украины; летом 1916 <г.> — в Трапезунд для участия в работе экспедиции академика Ф.И. Успенского, причем была проведена расчистка фресковой росписи св. Софии и составлено монографическое описание этого памятника; многократно <в> 1915—1919 <гг.> — в Киев для налаживания⁴³ дела исследования, воспроизведения и издания киевской св. Софии.

Со времени окончательного утверждения Советской Власти на Украине, с конца декабря 1919 г. — Шмит принимал деятельное участие в организации, регистрации и охране памятников искусства и старины и в деле музейного строительства, сначала в качестве члена Коллегии Всеукраинского Комитета охраны памятников искусства и старины (ВУКОПИС), потом — в качестве его Заместителя Председателя и Заведующего Научным отделом. Одновременно Шмит заведовал Музейным Отделом Харьковского ГубКОПИС'а⁴⁴, разработал план полной реорганизации музейной сети в Харькове и осуществил его. В январе 1921 <г.> Шмит по поручению Художественного сектора Главполитпросвета УССР стал организовывать Секцию научных исследований и эстетики, и принял участие в устройстве первой после Октября художественной выставки в Харькове. Кроме того, Шмит в 1920—1921 г. был членом Редколлегии УкрГосИздата, заведующим художественным отделом издательства.

В мае 1921 <г.> Шмит поехал в Киев, чтобы провести в Украинской Академии Наук свой давнишний проект учреждения специальной комиссии для научного описания, исследования и издания киевской св. Софии. Первое Отделение Академии проект Шмита одобрило, комиссию учредило и Шмит был единогласно избран ее председателем. Вслед за тем Шмит был избран действительным академиком УАН, переселился в Киев, где председательствовал кроме Софийской комиссии, еще и в Археологической Комиссии⁴⁵ и в К<омите>те Музея УАН им. Ханенко⁴⁶. <В> 1921—1924 <гг.> Шмит преподавал в Художественно-архитектурном и Музыкально-драматическом Институтах, был ректором Археологического института, а с июля 1922 <г.> директором («керовником»⁴⁷) научно-

⁴³ В оригинале — «налажения».

⁴⁴ Губернский комитет охраны памятников искусства и старины.

⁴⁵ Императорская археологическая комиссия — в 1859—1919 гг. — главный государственный орган, отвечавший за проведение археологических исследований в Российской империи, предтеча РАИМК.

⁴⁶ Музей, основанный коллекционерами Б. и В. Ханенко, передавшими свое собрание Всеукраинской академии наук; в настоящее время — Национальный музей искусств имени Богдана и Варвары Ханенко.

⁴⁷ От польского «kierownik» — наставник, руководитель.

исследовательской «кафедры» искусствоведения. С осени 1923 <г.> Шмит был директором Софийского и Лаврского музеев.

Весною 1924 <г.> Шмит сложил с себя вышеперечисленные должности, кроме только должностей действительного академика, директора Научно-исследовательского института искусствоведения и ректора Археологического института и перенес центр своей работы в Москву, где еще <в> 1921 <г.> заочно был избран заведующим Отделом великокняжеских древностей московского Исторического музея, а позднее и членом Института искусствоведения и археологии РАНИОН⁴⁸. Осенью 1924 <г.> Шмит был назначен профессором 1 МГУ⁴⁹, членом Музейно-библиотечной секции ГУС⁵⁰ и членом президиума Художественно-педагогической подсекции Научно-педагогической секции ГУС.

С января 1925 <г.> Шмит занял должность директора Государственного института истории искусств в Ленинграде и вошел в штат Государственной академии истории материальной культуры, членом которой состоял с 1919 г., года основания Академии. Одновременно он вышел из штата УАН, сохранив звание действительного академика (пожизненное), и из штата РАНИОН, сохранив звание действительного члена. С февраля 1925 <г.> Шмит стал профессором ЛГУ и ведет преподавание на Государственных Высших Курсах искусствоведения при ГИИИ.

В октябре — декабре 1926 <г.> Шмит отправился в заграничную командировку для устройства в Германии выставки копий ГИИИ с памятников древнерусской монументальной живописи⁵¹.

В настоящее время Шмит состоит действительным членом Украинской АН, Государственной академии истории материальной культуры, Государственного института истории искусств, Института искусствознания и археологии РАНИОН, Германского и Болгарского Археологических институтов, действительным членом и членом-корреспондентом многих русских и иностранных научных организации и обществ, членом-корреспондентом Государственной академии художественных наук.

в) Список печатных научных трудов.

В настоящий список не вошли многочисленные газетные и журнальные статьи публицистического характера в русских и иностранных органах печати; кроме того, в список не вошли три крупнейшие работы, которые были совершенно приготовлены к печати или напечатаны, но не вышли в свет по причинам, от автора не зависевшим — «История византийской монументальной живописи XI—XIV вв.», частью напечатанная в погибшем <в> 1914 <г.> в начале русско-турецкой войны в Константинополе XV томе «Известий Русского Археологического Института»; «Равеннские мозаики» — монография, рукопись которой была украдена <в> 1916 <г.> в Трапезунде и, по-видимому, раскурена солдатами на цигарки; «История мозаичной живописи», находившаяся в одной из псковских типографий в работе в момент эвакуации Пскова <в> 1915 г., и, по-видимому, погибшая окончательно⁵².

Добавить нужно еще, что Шмит вместе с И.Э. Грабарем редактирует подотдел изобразительных искусств Большой Советской Энциклопедии.

⁴⁸ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук — объединение научно-исследовательских учреждений гуманитарного и общественно-научного профиля; существовала в 1924—1930 гг.

⁴⁹ Официальное название МГУ им. Ломоносова в 1918—1930 гг.: 1-й Московский государственный университет.

⁵⁰ ГУС — Государственный Ученый совет — руководящий орган Наркомпроса в 1919—1933 гг., подразделялся на несколько секций.

⁵¹ Irmscher 1994: 240—247.

⁵² Далее следует список печатных трудов Шмита, в данной публикации не воспроизводимый.

II

Непременному Секретарю Академии Наук СССР

Объединение Петергофских и Ораниенбаумских дворцов-музеев, Гатчинский дворец-музей и объединение Детско-сельских и Павловского дворцов-музеев поддерживают кандидатуру директора Института истории искусств Федора Ивановича ШМИТА в действительные члены Всесоюзной академии наук.

Профессор Ф.И. Шмит, обладающий богатой и разносторонней эрудицией, не только ведет теоретическую научную работу по созданию новой марксистской науки об искусстве, но участвует и в практической перестройке и приближении к широким массам трудящихся научных, учебных и музейных учреждений.

Новые молодые работники ленинградских пригородных дворцов-музеев в своей работе по превращению бывших царских дворцов из памятников реликвий в политико-просветительные музеи, встретили в лице Ф.И. ШМИТА человека, оказывавшего им постоянную поддержку и идейно руководившего их новыми работами.

Ф.И. ШМИТ вполне достоин звания действительного члена всесоюзной Академии Наук, способен содействовать перерождению старой Академии и вовлечению ее на путь строительство новой пролетарской культуры.

Заместитель Заведующего Объединением Петергофских и Ораниенбаумского дворцов-музеев
(А. Шеманский)⁵³

Заведующий Гатчинским Дворцом-Музеем
(Крылов)⁵⁴

Заведующий Научной частью Гатчинского Дворца-Музея
(Галич)⁵⁵

Заместитель Заведующего Объединением Детско-Сельских и Павловского дворцов-музеев по Научно-музейной части
(А. Комелова)⁵⁶
21. VIII. 29 г.

с подлинным верно:

Делопроизводитель Секретариата Академии Наук СССР
(К. Ушакова)

(Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 2. Л. 378—385 = ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Д. 55. Л. 1, 2—8).

⁵³ Шеманский, Анатолий Владимирович (1904—1941) — музейный деятель, в 1922—1926 гг. — учился в Петроградском университете, член Общества социологии и истории искусства (куда входил и Шмит), с 1925 г. — в Управлении Петергофских дворцов-музеев.

⁵⁴ Крылов И.В. — в 1927—1931 гг. возглавлял Гатчинский дворец-музей в качестве заведующего, затем — директора.

⁵⁵ Галич Илья Илларионович (1900—?) — в 1922—1925 гг. учился в Петроградском университете, в 1928—1932 гг. заведующий научной частью Гатчинского дворца-музея, погиб в годы Великой Отечественной войны.

⁵⁶ Комелова, Анна Сергеевна (?—?) — искусствовед, художник, сотрудник Детско-сельских музеев с 1917 г., в 1924 г. окончила Академию художеств, в 1926 г. выступала в Институте истории искусств на заседании Музейной секции Комитета социологического изучения искусства с докладом «Возникновение и рост обывательского города Царское Село».

Литература

- АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 376.
Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 2.
ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Д. 55.
ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 2. Д. 909.
ОР ГРМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 172.
ОР НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 30.
СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 162.
СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 76.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 35.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 98.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 114.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 123.
Ананьев В.Г. 2019. Ф.И. Шмит по эпистолярным материалам из архивного фонда С.Ф. Платонова. *Scripta antiqua* 7, 393—410.
Басаргина Е.Ю. 1999. Ф.И. Шмит: материалы к биографии. В: Медведев И.П. (ред.). *Рукописное наследие русских византинистов*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 478—496.
Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. 1997. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества. В: Бонгард-Левин Г.М. (ред.). *Скифский роман*. Москва: РОССПЭН, 259—287.
Сыченкова Л.А. 2012. Историографический образ Федора Шмита. *Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. Т. 154. Кн. 3, 199—208.
Тункина И.В. 2004. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни: (по материалам эпистолярного наследия). В: Медведев И.П. (ред.). *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 641—765.
Шмит Ф.И. 1906. Кахриэ-Джами. История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики Нарфиков. С альбомом в 92 таблицы. *ИРАИК XI*.
Шмит Ф.И. 1911а. Παναγία Ἀγγελόκτιστος. *ИРАИК XV*, 206—239.
Шмит Ф.И. 1911б. Благовещение. *ИРАИК XV*, 31—72.
Шмит Ф.И. 1911с. Один из иконографических вариантов крещения Спасителя. *ИРАИК XV*, 73—91.
Шмит Ф.И. 1912а. Памятники византийского искусства в Греции. *ЖМНП. Новая серия X*, 45—50.
Шмит Ф.И. 1912б. Что такое византийское искусство. *Вестник Европы*. Октябрь, 221—255.
Шмит Ф.И. 1913. Киевский Софийский собор. *Светильник* 8, 3—22.
Шмит Ф.И. 1914а. Мозаики монастыря преподобного Луки. В: *Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула*. Харьков: Печатное дело (Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 21), 318—334.
Шмит Ф.И. 1914б. Равеннские мозаики 1112 г. *Светильник* 7, 7—36.
Шмит Ф.И. 1915. Алтарные мозаики церкви Михаила Архангела в Равенне. *Светильник* 3—4, 47—54.
Шмит Ф.И. 1916. *Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусств*. Вып. 1. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и сыновья.
Шмит Ф.И. 1917. Заметки о поздневизантийских храмовых росписях. *ВВ* 22, 62—126.
Шмит Ф.И. 1918а. Психология рисования. *Внешкольное просвещение* 3, 23—27.
Шмит Ф.И. 1918б. Психология рисования. *Внешкольное просвещение* 4—6, 22—34.
Шмит Ф.И. 1919а. *Искусство Древней Руси — Украины*. Харьков: Союз.
Шмит Ф.И. 1919б. *Искусство — его психология, его эволюция, его стилистика*. Харьков: Союз.
Шмит Ф.И. 1919с. *Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела*. Харьков: Союз.
Шмит Ф.И. 1919d. *О психологии рисования*. Харьков: Союз.
Шмит Ф.И. 1921. *Психологія малювання для педагогів*. Київ: Державне видавництво.
Шмит Ф.И. 1924. *Почему и зачем дети рисуют. Педологический и педагогический очерк*. Москва: ГИЗ.
Diehl Ch. 1889. L'église et les mosaïques du couvent de Saint-Luc en Phocide. *Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome LV*, 1—73.

- Diehl Ch. 1896. Mosaïques byzantines de Saint-Luc. *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. T. 3. Fs. 2, 231—246.
- Diehl Ch. 1905. *Études byzantines*. Paris: A. Picard et fils.
- Diehl Ch. 1910. *Manuel d'art byzantin*. Paris: A. Picard et fils.
- Irmischer J. 1994. Die Ausstellung «Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei», Berlin 1926. *Byzantina Symmeikta* 9, 240—247.
- Marchand S. 2015. Appreciating the Art of Others: Joseph Strzygowski and the Austrian Origins of Non-Western Art History. In: Dglosz M., Scholz P.O. (eds). *Von Biala nach Wien: Josef Strzygowski und die Kulturwissenschaften*. Vienna: Ibero Verlag; European University Press Verlagsgesellschaft m.b.H., 257—285.
- Schmit Th. 1908. Die Malerei des bulgarischen Klosters Poganovo. *Byzantinische Zeitschrift* 17, 121—128.
- Schmit Th. 1912. La “Renaissance” de la peinture byzantine au XIV siècle. *Revue archéologique. IV série* XX, 127—142.
- Schmit Th. 1926. *Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei. Russische Abteilung*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag.
- Schmit Th. 1927. *Die Koimesis-Kirche von Nikaia: Das Bauwerk und die Mosaiken*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Schultz R.V., Barnsley S.H. 1901. *The Monastery of St. Luke of Stiris Phocis and the Dependent Monastery of St. Nicolas in the Fields near Skripou Beotia*. London: Macmillan and Co. Ltd.

References

- AGE. F. 6. Op. 1. D. 376.
- Arhiv RAN. F. 518. Op. 4. D. 2.
- GARF. F. 3316. Op. 45. D. 55.
- OR GRM. F. 145. Op. 2. D. 909.
- OR GRM. F. 203. Op. 1. D. 172.
- OR NA IIMK RAN. F. 2. Op. 1. 1925. D. 30.
- SPbF ARAN. F. 729. Op. 2. D. 162.
- SPbF ARAN. F. 825. Op. 2. D. 76.
- CGALI SPB. F. 389. Op. 1. D. 35.
- CGALI SPB. F. 389. Op. 1. D. 98.
- CGALI SPb. F. 389. Op. 1. D. 114.
- CGALI SPb. F. 389. Op. 1. D. 123.
- Ananiev, V.G. 2019. F.I. In *Scripta antiqua* 7, 393—410 (in Russian).
- Basargina, E.Yu. 1999. In: Medvedev, I.P. (ed.). *Rukopisnoye naslediye russkikh vizantinistov (The handwritten heritage of the Russian Byzantinists)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 478—496 (in Russian).
- Bongard-Levin, G.M., Tunkina, I.V. 1997. In: Bongard-Levin, G.M. (ed.). *Skifskiy roman (Scythian novel)*. Moscow: ROSSPEN, 259—287 (in Russian).
- Sychenkova, L.A. 2012. In *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnyye nauki” (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)*. Vol. 154. Bk. 3, 199—208 (in Russian).
- Tunkina, I.V. 2004. In: Medvedev, I.P. (ed.). *Mir russkoy vizantinistiki: materialy arkhivov Sankt-Peterburga (The world of Russian Byzantine studies: materials from the archives of Saint Petersburg)*. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 641—765 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1906. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XI (in Russian).
- Schmit, F.I. 1911a. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XV, 206—239 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1911b. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XV, 31—72 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1911c. In *Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole (Bulletin of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XV, 73—91 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1912a. In *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Education)*. *Novaya seriya (New series)* X, 45—50 (in Russian).

- Schmit, F.I. 1912b. In *Vestnik Evropy (Bulletin of Europe)*. Oktober, 221—255 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1913. In *Svetil'nik (Lamp)* 8, 3—22 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1914a. In: *Sbornik statey v chest' prof. V.P. Buzeskula (Collection of articles in honor of Professor V.P. Buzeskul)*. Kharkiv: Pechatnoye delo (Collection of the Kharkiv Historical and Philological Society. Vol. 21), 318—334 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1914b. In *Svetil'nik (Lamp)* 7, 7—36 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1915. In *Svetil'nik (Lamp)* 3—4, 47—54 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1916. *Zakony istorii. Vvedeniye k kursu vseobshchey istorii iskusstv (The laws of history. Introduction to the course of general art history)*. Iss. 1. Kharkiv: Tipografiya i Litografiya M. Zil'berberg i synov'ya (in Russian).
- Schmit, F.I. 1917. In *Vizantijskiy vremennik (Byzantina Xronika)* 22, 62—126 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1918a. In *Vneshkol'noye prosveshcheniye (Out-of-school education)* 3, 23—27 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1918b. In *Vneshkol'noye prosveshcheniye (Out-of-school education)* 4—6, 22—34 (in Russian).
- Schmit, F.I. 1919a. *Iskusstvo Drevney Rusi — Ukrainy (Art of Ancient Rus — Ukraine)*. Kharkiv: Soyuz (in Russian).
- Schmit, F.I. 1919b. *Iskusstvo — ego psikhologiya, yego evolyutsiya, yego stilistika (Art is its psychology, its evolution, its style)*. Kharkiv: Soyuz (in Russian).
- Schmit, F.I. 1919c. *Istoricheskiye, etnograficheskiye, khudozhestvennyye muzei. Ocherk istorii i teorii muzeynogo dela (Historical, ethnographic, art museums. Essay on the history and theory of museum affairs)*. Kharkiv: Soyuz (in Russian).
- Schmit, F.I. 1919d. *O psikhologii risovaniya (About the psychology of drawing)*. Kharkiv: Soyuz (in Russian).
- Schmit, F.I. 1921. *Psikhologiya malyuvannya dlya pedagogiv (Psychology of painting for teachers)*. Kyiv: Derzhavne vidavnistvo (in Ukrainian).
- Schmit, F.I. 1924. *Pochemu i zachem deti risuyut. Pedologicheskij i pedagogicheskij ocherk (Why and why children paint. Pedological and pedagogical sketch)*. Moscow: GIZ (in Russian).
- Diehl, Ch. 1889. L'église et les mosaïques du couvent de Saint-Luc en Phocide. *Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome* LV, 1—73.
- Diehl, Ch. 1896. Mosaïques byzantines de Saint-Luc. *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. T. 3. Fs. 2, 231—246.
- Diehl, Ch. 1905. *Études byzantines*. Paris: A. Picard et fils.
- Diehl, Ch. 1910. *Manuel d'art byzantin*. Paris: A. Picard et fils.
- Irmscher, J. 1994. Die Ausstellung «Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei», Berlin 1926. *Byzantina Symmeikta* 9, 240—247.
- Marchand, S. 2015. Appreciating the Art of Others: Joseph Strzygowski and the Austrian Origins of Non-Western Art History. In: Dglosz, M., Scholz, P.O. (eds). *Von Biala nach Wien: Josef Strzygowski und die Kulturwissenschaften*. Vienna: Ibero Verlag; European University Press Verlagsgesellschaft m.b.H., 257—285.
- Schmit, Th. 1908. Die Malerei des bulgarischen Klosters Poganovo. *Byzantinische Zeitschrift* 17, 121—128.
- Schmit, Th. 1912. La “Renaissance” de la peinture byzantine au XIV siècle. *Revue archéologique. IV série* XX, 127—142.
- Schmit, Th. 1926. *Byzantinisch-Russische Monumentalmalerei. Russische Abteilung*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag.
- Schmit, Th. 1927. *Die Koimesis-Kirche von Nikaia: Das Bauwerk und die Mosaiken*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Schultz, R.V., Barnsley, S.H. 1901. *The Monastery of St. Luke of Stiris Phocis and the Dependent Monastery of St. Nicolas in the Fields near Skripou Beotia*. London: Macmillan and Co. Ltd.